

Валаам в литературе русского зарубежья

В статье рассматриваются произведения И. Шмелева «Старый Валаам» и Б. Зайцева «Валаам», посвященные описанию Валаамского монастыря.

In article I. Shmelev's works «Old Valaam» and B. Zaytsev's "Valaam", devoted to the description of the Valaam monastery are considered.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, И. Шмелев, Б. Зайцев, Валаам.

Key words: literature of the Russian abroad, I. Shmelev, B. Zajtsev, Valaam.

Тема духовных святынь и символов в русской классической литературе нашла отражение в деятельности современных научных школ, возглавляемых Валерием Владимировичем Лепахиным (Будапешт, тема «иконичность в русской литературе»), Иваном Андреевичем Есауловым (Петрозаводск, тема «евангельский текст в русской литературе»), Владимиром Алексеевичем Котельниковым (Санкт-Петербург, тема «православные подвижники в русской литературе»), Галиной Владимировной Мосалёвой (Ижевск, тема «храмостроительство русской словесности») и другими исследователями. Очень внимательно прочитаны и прокомментированы с точки зрения православного контекста произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Толстого, Лескова и других авторов. Исследователями отмечено, что к идеям христианства эти писатели шли естественным путем, постепенно постигая глубины веры в ходе длительных размышлений. Именно ими уже были освоена библейская образность и евангельские сюжеты, осмыслены феномены старчества, иночества, монашества, монастыря. Средоточием этих феноменов в русской классической литературе стала главная монастырская святыня XIX века Оптина пустынь. «Вся наша литература XIX века ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни для человеческой личности, народа, человечества, мира. В самых значительных своих творениях она проникнута религиозной мыслью», – писал русский философ Николай Александрович Бердяев [1].

Иначе обстояло дело в XX веке. Литература рубежа веков, освобожденная от обязательств духовного наставничества, породила шеренги недотыкомок, патологических нигилистов, панэстетов, декадентов, пропагандирующих имморализм, то есть «право человека находиться по ту сторону добра и зла» [5, с. 207]. Отношение к религии этих авторов было сложным и, в основном, критическим. Атеистическая литература социали-

стического реализма вообще не предполагала осмысления духовной жизни человека в контексте веры. Поэтому единственным источником описания православных святынь и жизни монастырей в первой половине XX века стала литература русского зарубежья – творчество писателей Ивана Шмелева, Бориса Зайцева, Алексея Ремизова, в котором оказалась сильна «струя вспоминательная», по выражению Б. Зайцева. Их глубокая вера имеет иной источник, чем у писателей XIX века, – трагический. Ужас революции 1917 года и пережитые в связи с ней личные трагедии и утраты (был расстрелян единственный сын Шмелева Сергей, офицер добровольческой армии; погиб племянник Б. Зайцева) кардинально изменили духовный и художественный облик этих писателей. «Удивительного в этом нет. Хаосу, крови и безобразию противостоит гармония и свет Евангелия, Церкви (Само богослужение есть величайший лад, строй, облик космоса)...», – писал Б. Зайцев в очерке «О себе» [2, IV, с. 589]. Укрепление в вере или приход к вере для русских писателей-эмигрантов был не плавно эволюционным, а стремительным и даже искусственно ускоренным в силу особых обстоятельств революционных изменений жизненного уклада. Тоска писателей по покинутой Родине вылилась в совершенно конкретные воспоминания о русских святынях. Центром этих воспоминаний стал Валаам.

Детство и юность писателей, воссоздавших духовный облик Валаама, прошли не у его стен: Б. Зайцев, выходец из Орловского края, провел юношеские годы вблизи Оптиной пустыни и в Саровском лесу, где он охотился с отцом, не испытывая особенного трепета от близости к святым местам; москвич Иван Шмелев в детстве бывал в Троице-Сергиевой Лавре. Валаам Шмелев посетил 20-летним студентом, «шатнувшимся от церкви» во время свадебного путешествия осенью 1895 года, причем это место для поездки выбрала жена Шмелева. Но на чужбине оба писателя среди прочих произведений написали духовную прозу о Валаамском Спасо-Преображенском монастыре.

Оsmелимся предположить, почему. Валаам – пограничье, это придавало ему особый статус в глазах вынужденных эмигрантов. До русско-финской войны Валаам находился на территории Финляндии, туда можно было приехать, находясь в эмиграции. Б. Зайцев посетил Валаам летом 1935 года и по итогам поездки написал очерк «Валаам» (печатался в 1935–36 годах в газете «Возрождение», издававшейся в Париже на русском языке). А Иван Шмелев летом 1936 года был в Прибалтике. И оба вспоминали одно и то же: «так близко Россия, а попасть нельзя» и как, протянув руку через колючую проволоку, взяли по горсти родной земли [6, с. 421]. Следует заметить, что Шмелев после посещения Валаамского монастыря в 1895 году написал цикл очерков «На скалах Валаама», но он был задержан цензурой, сильно урезан и вышел крохотным тиражом. И вот после появления очерка Зайцева, широко обсуждавшегося в среде русской эмиграции, Шмелев обратился вновь к этой теме и в 1935 году создал новую редакцию

произведения 40-летней давности, напечатав ее под названием «Старый Валаам».

К русскому читателю эти произведения дошли спустя полвека, поэтому остались в стороне от общего литературного потока и не обросли читательским контекстом. Обратимся к этим произведениям, воссоздавшим облик удивительной святой обители, берущей свое начало в XII веке. Валаам – настолько самодостаточное, устойчивое и выдающееся материальное и духовное явление русской христианской жизни, что у разных людей, посетивших его в разное время, вызывает схожие чувства. И И. Шмелев (увидевший Валаам 22-летним студентом), и 54-летний Б. Зайцев, пробывший на Валааме 9 дней через 40 лет после Ивана Шмелева, пережили глубокое эмоциональное и духовное потрясение, заставившее их отметить и описать практически одно и то же. Значит, облик и дух Валаама буквально водили рукой писателей, как будто Валаам сам уже и есть некий законченный локальный текст.

Строится повествование в обоих произведениях на природных контрастах и сопряжениях.

1. Самый очевидный контраст – контраст древней, дикой, мощной и бурной окружающей природы и спокойного внутреннего островного оазиса, единственного «райского места», контраст могущества и тишины, томительной опасной дороги и обретенного убежища. Трудности прибытия на Валаам, которому препятствует буйство северной природы, ненастье, гремящая Ладога, «тяжелая свинцовая вода», «слои гранита и луды, выпирающие отовсюду», – как испытание, которое обязательно преодолевают паломники. Первое впечатление – неукротимость и мощь природы. Б. Зайцев: «Здесь бьют волны, зимой метели ревут, северные ветры валят плоскости леса. Все громко, сильно, могуче. Лес – так вековой. Скалы – гранит, луда...» [3, с. 157]. И. Шмелев: «Томительные часы проходят. Дождь переходит в ливень, визжит ветер, хлопают паруса. «Валаам видать!..» – слышу я. Слава Создателю... показался! Перед нами высокий темно-зеленый остров. Пеной кипит вокруг него озеро-море. <...> Ближе – остров дробится на острова. Видно проливы, камни, леса. Древностью веет от темных лесов и камней» [7]. Буквально на следующий день паломников потрясает тишина и умиротворенность валаамской природы: «Какой мир, какой воздух, как прекрасно плыть мимо редких камышей, за которыми вековой бор – сосны, ели, столетние. И сколько зелени, какие лужайки! Все светлое, очень тихое и нетронутое», – пишет Б. Зайцев [3, с. 157]; «Выются проливчики между скал, и вдруг <...> вынырнет из-за скалистого мыса весь сказочный како-то, зачарованный островок. На нем сочная, нежно-зеленая трава, не хоженная никем, дремотная. Золотые на ней стрекозы, уснувшие в полете.... И тихие, светло-зеленые березки, белые-белые, дремотные. Не простые березки, а святые – так они чисты, девственны, детски-нежны. И видишь – грибы под ними! И грибы сказочные, дремотные. И сколько же раз, быва-

ло, поднималось желание в сердце: «вот хорошо бы оставаться здесь». Такое только во сне бывает: сказочное, дремотное – неземное. Или – заросли камыши, тихая-тихая вода, кувшинки, желтые, белые, – глубина, крепкий настойный воздух – с великих далей, с лесов и Ладоги. Такого воздуха нет нигде. Он до того прозрачен, что видно за проливом отдельные деревья, пестрые мхи на камне, трещины и "слойки"», – передает свои впечатления И. Шмелев [7]. Лейтмотив восприятия природы острова – сказочная не-тронутость, пустынность, зачарованная тишина. Шмелев отмечает важную деталь дивного мира – это воплощенная иконопись, такая, какой ее воспринимает ребенок: «Новый, чудесный мир, который встречал я в детстве, – на образах, – стелющийся у ног Угодников: голубые реки, синеющие моря, пригорки, белые городки, озерки, плоские и кривые сосны, похожие на исполинские зонтики, и все – под белыми облачками-кудерьками... мир, в котором живут подвижники, преподобные, неземные... – мир Ангелов и небесных людей. И этот забытый мир, отшедший куда-то с детством, – пришел, живой» [7].

2. Следующее, что потрясает паломников, – чудесное сочетание природного Валаама и Валаама рукотворного, не тронутой рукой человека природы и рукотворной красоты, вырастающей из нее. Рукотворный Валаам вкоренен в дикие скалы и древние леса без ущерба для природы. Монахи, например, специально закупали у финнов дрова, чтобы не рубить и не портить валаамский лес [3, с. 158]. Типичным для повествований становится такой эпизод: «на лужайке, окаймленной лесом, стоит бедная часовенка, совсем открытая. Огромная икона-картина «Моление о чаше» всю её занимает. Впечатление такое, что просто среди леса икона, едва прикрытая от дождей, – типичный валаамский уголок: божественное, окруженное природой, природа, знаменованная святыней» [3, с. 166]. Братия монастыря «во славу божию» устроила на острове буквально чудеса: скиты, часовни, собор, хозяйствственные постройки, мосты, дороги, каналы, водовод, ферму, сады, мастерские – «слесарная, токарная, сверлильная, точильная, сушильная... – и всюду кипит работа, всюду визжат станки...», и «все, до последнего гвоздочка сами». «У нас в обители ... рыбу из икры разводят, завод такой есть. И форель разводят, и сигов, и лосиков... Чего-чего только не делает братия у нас. У нас прямо целое государство, только духовное, конечно. И свечной завод, и кожи мочим, и скрипидар гоним, и переплетная у нас есть, и лекарственные травы растим, и сукна валяем, и посуду обжигаем, скудельный заводик есть... и лесопильная, и конный завод, и граниты шлифуют, и мрамор полируют. Господь умудрил, и мастера-рабочие тянутся к нам, с питерских заводов да и совсюду... на слово Божие идут. Вот и живем, как царство» [7].

Особенно впечатляют паломников монастырские сады: «На камне – лудой называют на Валааме этот камень, – взошли сады. Правильными рядами идут раскидистые яблони, груши-дули, сквозные вишневые деревья –

радость» [7]. Монах Гавриил 20 лет носил на руках на «плещивую» гранитную гору землю, «все сам насадил...». Монахи 4 года строили водопровод – воду поднимают насосом из Ладоги «на тридцать сажен», для чего в гранитной скале прорубили 142 ступени. Водопровод был пущен в 1863 году. Господь умудряет братию овладеть любым ремеслом.

Рукотворны на Валааме материальные знаки памяти о святых праведниках – многочисленные кресты, часовни, скиты. Принцип их возведения – «природное в природном». Так построено большинство храмов. «На этустройку много трудов положено, – рассказывает монах о Воскресенском храме. – Фундамент прямо в гранит врублен... иной раз и порохом приходилось взрывать» [3, с. 162]. Фундамент церкви из местного гранита, с местным же гранитом взрывом и сплавлен навечно. «Куда ни пойдешь на Валааме – всюду встретишь ... крест гранитный или гранитную часовню. Зайдешь далеко в лес. Дорога неведомо куда уходит. Впереди лес стеной, камень-глыбы. Забываешь, где ты... – и вдруг на повороте, под широкой елью, как под шатром, – часовня. Дверь открыта; на аналое крест и евангелие; кадило, псалтырь, старинный, и благодатно взирает Богоматерь, или Спаситель, кроткий, призывает к Себе трудящихся и обремененных. <...> Необыкновенное чувство испытываешь, когда увидишь лесную часовенку такую: так вот будто и осветит, и дебри не хмурятся и не пугают глушью, а свято смотрят, в самую душу проникают...» [7]. И веришь, знаешь, что это все – Господне: и повалившаяся ель мшистая, и белка, и брусника, и порхающая в чаще бабочка». Лейтмотив сопряжения природного и рукотворного Валаама – «все – Господне», все гармонично соседствует.

3. Как ни в каком другом месте, в монастыре богомольцы ощущают особый ход времени. Все события и факты монастырской жизни освящены причастностью к библейской истории и придают им всевременный (или вневременной) характер. По образцу храма Гроба Господня в Иерусалиме устроена «Кувуклия» в валаамском храме святого Андрея: «В низеньком помещении, в глубине церкви кубической формы камень, красный гранит, образ того камня, что привален был ко входу в пещеру Гроба. Маленькая эта, темная комната называется Приделом Ангела – Ангел некогда отвалил камень. А в гранит вделана из ерусалимского камня частица. Таинственно тут, тихо. Нагибаешься вдвоем, сквозь совсем низкую дверку входишь в еще высшее святилище: пещеру св. Гроба, точную копию того иерусалимского... Тут уж совсем темно. Только неугасимая лампада над гробом» [3, с. 162-163]. Богомольцы на службе в этом храме переживают те же чувства, что и верующие тысячи лет тому назад: «Придел Ангела был уже полон. Стояли плечом к плечу... Темно, тесно, жарко... но так тихо, что замерло все и соединилось в сопреживании того, что две тысячи лет назад совершилось в такой же вот тесной Пещере, с таким же камнем – отвалившись, перевернулся он весь мир...» [3, с. 164]. После службы «у всех взволнованные лица, умиленные», у некоторых слезы. Все богомольцы как

будто стали хотя бы на время службы современникам первых христиан и ведь это не имитация, а живое чувство православного братства. Вся братия относится к святым, в память которых сооружены церкви и скиты, как «к знакомцам высшего мира». А что это могло произойти чуть не две тысячи лет назад, значения не имеет: «Точно вчера», – отмечает Б. Зайцев. Монахи рассказывая о храмах, которым служат, «стирают столетия и легенду», так что богомольцы оказываются как будто знакомы и с Николаем Угодником, и с патриархом Афанасием, и с легендарными святыми. Так, отец Милий, описывая фреску, посвященную святителю Николаю, очень почтоловески рассказал историю чудесного спасения младенца, которого родители случайно уронили из лодки в Днепр: «До того разговорились, заевались, младенчик-то и упали в воду... И так ловко упал, его сейчас завертело, понесло, туды-сюды, ищут – где там! Утоп. Родители расстроились страсть как. Ну и подумать: собственно дите в пучину бездонную уронили. ... Ну и что же вы думаете, утром пришел в церковь пономарь, убирает, к служению готовится – видит, под иконою Угодника младенчик... Этот самый и оказался, его Николай-то Чудотворец и принес, над горем над родительским смилостиился» [3, с. 190]. Сам отец Милий был «до последнего суставчика» восхищен добротой и милосердием Святителя, думается, что и путники никогда в жизни не забудут ни этот рассказ, ни молитву святому Угоднику.

Писатели, посетившие Валаам, приходят к одному важному выводу. Человека мучает и пугает вопрос смерти, ухода из жизни. Валаам дает примеры преодоления этого страха и перехода за пределы физических границ жизни. Открывается свет истины паломникам не сразу. Вот И. Шмелев на монашеском кладбище, где одинаковые «бугорки-могилки, поросшие травою. Весь Валаам из камня, много гранита и мрамора у него, но не видно надгробных памятников. Не любят иноки валаамские надгробий: память – богоугодное житие. У Господа – все на памяти» [7]. Вот видит круглый камушек на травяном бугорке, где написано, что некий послушник преставился 23 лет от роду. «Кто он, откуда родом, зачем пришел на это глухое кладбище в такие годы? «Меня еще и на свете не было, а уж он...!» – пробегает в душе печалью, и заливает радостное сознание, что я жив, молод, а впереди... сколько же впереди, всего!» [7]. Человек жаждет признания своих заслуг, а на Валааме все труженики безымянны, и трудовой, и духовный подвиг – общий. Рядом на кладбище «лежат голые каменные плиты. Все одинаковые, – как и те, что лежат под ними. Это могилы схимников, обитателей дебрей валаамских, скитов, пустынек». И непонятно молодому студенту, зачем остались они жизнь и близких и ушли в леса и что от них осталось. Монах-проводник объясняет, что от них «людям утешение», что «взыскиуют у нас подвижников»: «Для подвига, для утешения, он уже выше мира обретается, подвижник-то, души ведет... Погляди-

те, как к нашим схимонахам влекутся. Значит, душа желает очищения, а вы говорите – для чего такое. Нет, недаром они на подвиге стояли. Поживете – узнаете» [7]. И писатель делает заметку, что с тех пор «пожил я – и узнал, многое узнал. И как бы хотел теперь, через десятки лет с того августовского утра, найти крепко на подвиге стоящего, отрещившегося от всего земного, – благословиться». Его собственная душа «взыскиует подвижника» и спустя 40 лет он делает вывод: «Бури, ливни, метели, – все едино: Валаам не остановит своей работы – служения «во имя»: подвижнических трудов, молитв». В этом смысл и цель существования святой обители.

При этом ни в ком из трудников или монахов монастыря любого ранга нет высокомерия, гордости от осознания своей избранности, собственной святости. Монахи жизнелюбивы, все принимают как дар господень, гостеприимны и щедры, хотя живут в крайней личной скучности. Очень показательны такие эпизоды в повествовании Б. Зайцева. Это описание Смоленского скита, где в крохотной келийке при церкви живет о. Ефрем, духовник братии. Путники с удивлением замечают гроб с поднятой крышкой, а в гробу подушку и постель. А у самой воды отцом Ефремом выстроена еще одна крошечная избушка, в ней иконы и тоже гроб. Один гроб для лета, другой для зимы, в них по очереди он и спит. «Но ничего страшного в этом нет, – замечает писатель, – о. Ефрем жизнерадостнее многих, спящих на роскошных кроватях» [3, с. 159]. В этом же очерке есть эпизод посещения Валаама Александром I, который приехал в обитель один, как простой богомолец. Александр хотел посетить отшельника схимонаха Николая, который жил в тесной лесной келии «три аршина на три», чтобы просить благословения и молитв. То было еще при настояtele Валаама Дамаскине. Александр с одышкой пешком шел в гору, с трудом пролез в дверь хижины, скромно сидел на деревянном табурете у крохотного оконца. Николай предложил царю угощение – три репки со своего огорода, своими руками выращенные, – все, чем мог угостить. Репа была нечищеная. Благочинный Дамаскин спросил нож, чтобы очистить. Александр сказал: «Не надо. Я солдат, и съем ее по-солдатски». И зубами начал отдирать кожуру» [3, с. 180]. Эпизодов гостеприимства монахов, желания поделиться со странниками своей любовью к Валааму в очерках не счесть.

Валаам открывает паломникам и богомольцам самые простые истины, которые являются правилами монастырского общежития: важность совместной трапезы, совместной молитвы, совместного воздержанного жития, уважения к личности и вообще любой живой душе (например, на Валааме нет кнутов для лошадок). Жизнь обители – не показная, она проходит на глазах мирян, паломников и просто многочисленных туристов, но обитель открыта для мира, потому что ее добра и света «взыскиует душа».

Список литературы

1. Бердяев Н. О характере русской религиозной мысли XIX века. – [Электронный ресурс]: <http://www.magister.msk.ru/>
2. Зайцев Б. К. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Русская книга, 1999-2000.
3. Зайцев Б. К. Валаам // Зайцев Б. К. Собр. соч.: в 5 т. – М., 2000. – Т. 7 (доп.) Святая Русь. – С. 153-198.
4. Любомудров А. М. Образ православного монашества в русской классике // Валаамский монастырь. – СПб., 2004. – С. 245–261.
5. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ф. Ницше. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 203-264.
6. Шмелев И. С. Рубеж // Шмелев И. С. Собр. соч.: в 5 т. – М., 1998. – Т. 2. – С. 420-422.
7. И. С. Шмелев. Старый Валаам. – [Электронный ресурс]: gumer.info/bibliotek_Buks/Fiction/Shmelev...val.php